

Петр Чаадаев

Письма

*Часть сборника
Философические письма
(сборник)*

Петр Яковлевич Чаадаев

Письма

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174440
Философические письма: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-17685-3*

Аннотация

«Мое пламеннейшее желание, друг мой, – видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание. Когда видишь, как тот, кто должен был бы властвовать над умами, сам отдается во власть привычкам и рутинам черни, чувствуешь самого себя остановленным в своем движении вперед; говоришь себе, зачем этот человек мешает мне идти, когда он должен был бы вести меня?..»

Содержание

1829		4
	А. С. Пушкину	4
1831		6
	А. С. Пушкину	6
	А. С. Пушкину	7
	А. С. Пушкину	8
1832		11
	Шеллингу[20]	11
1833		13
	А. И. Тургеневу[21]	13
	Гр. А. Х. Бенкендорфу[25]	15
	Николаю I	17
	А. Х. Бенкендорфу[29]	19
	А. Х. Бенкендорфу	20
	А. Х. Бенкендорфу	21
1835		22
	А. И. Тургеневу	22
	А. И. Тургеневу	25
	А. И. Тургеневу	26
1836		31
	И. Д. Якушкину[49]	31
	А. С. Пушкину	33
	А. И. Тургеневу	34
	Кн<ягине> С. Мещерской	35
	А. И. Тургеневу	36
	А. И. Тургеневу	37
	А. И. Тургеневу	38
	Графу С. Г. Строганову	39
	Конец ознакомительного фрагмента.	40

Петр Чаадаев

Письма

1829

А. С. Пушкину

Мое пламеннейшее желание, друг мой, – видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание. Когда видишь, как тот, кто должен был бы властвовать над умами, сам отдается во власть привычкам и рутинам черни, чувствуешь самого себя остановленным в своем движении вперед; говоришь себе, зачем этот человек мешает мне идти, когда он должен был бы вести меня? Это поистине бывает со мной всякий раз, как я думаю о вас, а думаю я о вас столь часто, что совсем измучился. Не мешайте же мне идти, прошу вас. Если у вас не хватает терпения, чтоб научиться тому, что происходит на белом свете, то погрузитесь в себя и извлеките из вашего собственного существа тот свет, который неизбежно находится во всякой душе, подобной вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле. Не обманите вашей судьбы, мой друг. Последнее время стали везде читать по-русски; вы знаете, что г. Булгарин переведен¹ и поставлен рядом с г. де Жуй²; что касается вас, то нет ни одной книжки журнала, где бы не шла речь о вас; я нахожу имя моего друга Гулянова³, с уважением упомянутое в толстом томе, и знаменитый Клапрот⁴ присуждает ему египетский венец; по-видимому, он потряс пирамиды в их основаниях. Видите, что могли бы сделать вы для своей славы. Обратитесь с воплем к небу, – оно ответит вам.

Я говорю вам все это, как вы видите, по поводу книги, которую вам посылаю⁵. Так как в ней всего понемножку, то, быть может, она пробудит в вас несколько хороших мыслей.

¹ Вероятно, речь идет о французском переводе романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин»: Boulgarin F. Ivan Wyjighine ou le Gilblas russe. Paris, 1829 («Иван Выжигин, или Русский Жильблас»).

² Французский писатель Виктор Жозеф Жуи был широко известен как автор книг «L'Hermite de la Chaussée d'Antin» («Отшельник с улицы Дантен») и «Les Hermites en prison» («Отшельники в тюрьме»), изданных соответственно в 1812 и 1813 гг.

³ ...моего приятеля Гулянова... – Чаадаев был дружен с дипломатом и ученым-египтологом Иваном Александровичем Гуляновым, помогавшим ему в затруднительных жизненных обстоятельствах конца 20-х начала 30-х гг. Возможно, не без помощи Чаадаева познакомился с этим ученым, занимавшимся дешифровкой иероглифов, и Пушкин, на одном из рисунков которого изображена египетская пирамида с надписью Гулянова: «Начертано поэтом Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва 13/25 декабря 1831».

⁴ ...знаменитый Клапрот... – немецкий ориенталист.

⁵ ...книги, которую вам посылаю... – Скорее всего, речь идет о двухтомном сочинении французского писателя Фредерика Ансильона «Pensees sur l'homme, ses rapports et ses interets» (Berlin, 1829) («Размышления о человеке, его отношениях и интересах»), испещренным карандашными пометами отправителя и сохранившемся в библиотеке Пушкина. Чаадаеву, во многом разделявшему мысли автора, хотелось, чтобы Пушкина заинтересовали рассуждения Ансильона о «философической вере», о слиянии религии, поэзии и социальной истории, о необходимом совершенствовании человеческой природы. Чаадаев, рассчитывавший на мощь поэтического таланта Пушкина в распространении своей «одной мысли», стремился знакомить его не только с «идеями века», но и с собственными взглядами на проблемы художественного творчества, о чем свидетельствует запись на форзаце посылаемой книги: «Мозг поэта построен иначе, не в смысле образования идей, но в смысле их выражения. Ведь не мысль делает человека поэтом, а ее выражение. Поэтическое вдохновение – вдохновение словом, а не мыслью. Поэтический язык – сама поэзия. Разве есть поэты в прозе... Только французы, такой несомненно прозаический народ, могли вообразить, что во Франции есть поэты. Верно, что их поэты – прозаики, но не... что их произведения поэтичны. Говорят, образ, образ. Но образ – это материал поэзии, а не поэзия; если он не выражен поэтически, это просто геометрическая фигура и ничего более».

Будьте здоровы, мой друг. Говорю вам, как некогда Магомет говорил своим арабам, – о, если б вы знали!

1831

А. С. Пушкину

Что же, мой друг, что случилось с моей рукописью?⁶ От вас нет вестей с самого дня вашего отъезда. Сначала я колебался писать вам по этому поводу, желая, по своему обыкновению, дать времени сделать свое дело; но, подумавши, я нашел, что на этот раз дело обстоит иначе. Я окончил, мой друг, все, что имел сделать, сказал все, что имел сказать: мне не терпится иметь все это под рукою. Постарайтесь поэтому, прошу вас, чтобы мне не пришлось слишком долго дожидаться моей работы, и напишите мне поскорее, что вы с ней сделали. Вы знаете, какое это имеет значение для меня? Дело не в честолюбивом эффекте, но в эффекте полезном. Не то чтоб я не желал выйти немного из своей неизвестности, принимая во внимание, что это было бы средством дать ход той мысли, которую я считаю себя призванным дать миру; но главная забота моей жизни – это довершить эту мысль в глубинах моей души и сделать из нее мое наследие.

Это несчастье, мой друг, что нам не пришлось в жизни сойтись ближе с вами. Я должна думать, что нам суждено было идти вместе и что из этого воспоследовало бы нечто полезное и для нас, и для других. Эти мысли пришли мне снова в голову с тех пор, как я бываю иногда, угадайте где? – в Английском клубе⁷. Вы мне говорили, что вам пришлось бывать там; я бы вас встречал там, в этом прекрасном помещении, среди этих греческих колоннад, в тени этих прекрасных деревьев; сила излияния наших умов не замедлила бы сама собой проявиться. Мне нередко приходилось испытывать нечто подобное.

Будьте здоровы, мой друг. Пишите мне по-русски; вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания. Жду от вас милого и длинного письма; говорите мне о всем, что вам вздумается: все, что идет от вас, будет мне интересно. Нам надо только разойтись; я уверен, что мы найдем тысячу вещей сказать друг другу. Ваш и искренно ваш всей душою. Чаадаев.

17 июня

⁶ Уезжая из Москвы в середине мая 1831 г., Пушкин взял с собою часть философических писем (шестое и седьмое), чтобы напечатать их в Петербурге с помощью товарища министра народного просвещения Д.Н. Блудова и издателя Ф.М. Беллизара. Однако сделать это не удалось.

⁷ *Английский клуб*. – Его открытие в последней четверти XVIII в. явилось одним из подражательных заимствований европейских форм социального быта в послепетровскую эпоху. Хотя в уставе, согласно которому число членов клуба первоначально ограничивалось четырьмястами, а впоследствии увеличилось до шестисот, не оговаривались никакие сословные ограничения, он состоял из представителей родовой или чиновной знати, а также людей со средствами и положением в образованном обществе. Здесь имелись богатая библиотека, журнальные и газетные комнаты, бильярдные, столовые, где члены клуба отдыхали, играли в карты, обсуждали политические новости. Еще Н.М. Карамзин в «Записке о достопримечательностях Москвы» отмечал значение клуба как барометра социальных убеждений: «Надобно ехать в Английский клуб, чтобы узнать общественное мнение, как судят москвичи. У них есть какие-то неизвестные правила, но все в пользу самодержавия: якобинца выгнали бы из Английского клуба». По свидетельству П.И. Бартенева, сам Николай I «иной раз спрашивался, что говорят о той или другой правительственной мере в Московском Английском клубе».

А. С. Пушкину

Дорогой друг, я писал вам, прося вернуть мою рукопись; я жду ответа. Признаюсь вам, что мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, без промедления. У меня есть основания думать, что я могу ее использовать немедленно и выпустить ее в свет вместе с остальными моими писаниями.

Неужели вы не получили моего письма? Ввиду постигшего нас великого бедствия⁸ это не представляется невозможным. Говорят, что Царское Село еще не затронуто. Мне не нужно говорить вам, как я был счастлив узнать это. Простите мне, друг мой, что я занимаю вас собою в такую минуту, когда ангел смерти столь ужасно носится над местностью, где вы живете⁹. Я бы так не поступил, если бы вы жили в самом Петербурге; но уверенность в безопасности, которой вы еще пользуетесь там, где вы находитесь, придала мне смелости написать вам.

Как мне было бы приятно, мой друг, если бы в ответ на это письмо вы сообщили мне подробности о себе и не оставляли меня без вестей все время, пока у вас будет продолжаться эпидемия. Могу ли я рассчитывать на это? Будьте здоровы. Шлю непрестанные мольбы о вашем благосостоянии и обнимаю вас со всей нежностью. Пишите мне, прошу вас. Ваш верный Чаадаев.

7 июля 1831

⁸ Ввиду постигшего нас великого бедствия... – речь идет об эпидемии холеры.

⁹ Также имеется в виду эпидемия холеры.

А. С. Пушкину

Ну что же, мой друг, куда вы девали мою рукопись? Холера ее забрала, что ли¹⁰? Но слышно, что холера к вам не заходила. Может быть, она сбежала куда-нибудь? Но, в последнем случае, сообщите мне, пожалуйста, хоть что-нибудь об этом. С большой радостью увидел я вновь ваш почерк. Он напомнил мне время, по правде сказать немногого стоившее¹¹, но когда была еще надежда; великие разочарования еще не наступали тогда. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о себе; но и для вас, думается мне, было некоторое преимущество в том, что еще не все реальности были исчерпаны вами. Отрадными и блестящими были эти ваши реальности, мой друг; но все же есть ли между ними такие, которые сравнились бы с ложными ожиданиями, обманчивыми предчувствиями, лживыми грезами счастливого возраста неведения?

Вам хочется потолковать, говорите вы: потолкуем. Но берегитесь, я не в веселом настроении; а вы, вы нервны. Да притом о чем мы с вами будем толковать? У меня только одна мысль, вам это известно. Если бы невзначай я и нашел в своем мозгу другие мысли, то они наверно будут стоять в связи со сказанной: смотрите, подойдет ли это вам. Если бы вы хоть подсказали мне какие-нибудь мысли из вашего мира, если бы вы вызвали меня! Но вы хотите, чтоб я начал говорить первый, ну что ж; но еще раз, берегите свои нервы!

Итак, вот что я вам скажу. Заметили ли вы, что происходит нечто необычное в недрах морального мира, нечто подобное тому, что происходит, говорят, в недрах мира физического? Скажите же мне, прошу вас, как это отзывается на вас? Что меня касается, то мне сдается, что это готовый материал для поэзии, – этот великий переворот в вещах; вы не можете остаться безучастным к нему, тем более что эгоизм поэзии найдет в нем, как мне кажется, богатую пищу. Разве есть какая-либо возможность не быть затронутым в задушевнейших своих чувствах среди этого всеобщего столкновения всех начал человеческой природы! Мне пришлось видеть недавно письмо вашего друга, великого поэта¹²: это – такая беспечность и веселие, что страх берет. Можете ли вы объяснить мне, как подобный человек, знакомый некогда с печалью всех вещей, не испытывает ныне ни малейшего чувства горя перед гибелью целого мира? Ибо взгляните, мой друг: разве не воистину некий мир погибает и разве для того, кто не обладает предчувствием нового мира, имеющего возникнуть на месте старого, здесь может быть что-либо, кроме надвигающейся ужасной гибели? Неужели и у вас не найдется чувства, мысли, обращенной к этому? Я убежден, что это чувство и эта мысль, неведомо для вас, тлеют где-нибудь в глубинах вашей души; только они не проявляются вовне, они погребены, по всей вероятности; они под кучей старых мыслей, привычек, условностей, приличий, которыми, что бы вы ни говорили, неизбежно пропитан каждый поэт, хотя бы он и принимал против этого всякие меры, ибо, друг мой, начиная с индуса Вальмики, певца «Рамаяны»¹³, и грека Орфея до шотландца Байрона всякий поэт принужден был доселе повторять одно и то же, в каком бы месте света он ни пел.

О, как желал бы я иметь власть вызвать сразу все силы вашего поэтического существа! Как желал бы я извлечь из него, уже теперь, все то, что, как я знаю, скрывается в нем, дабы и вы дали нам услышать когда-нибудь одну из тех песней, какие требует век. Как тогда все,

¹⁰ Пушкин несколько раз пытался вернуть рукопись автору, но посылку не принимали на почте из-за холерной эпидемии. Возможно, ему удалось ее отправить в конце августа или в сентябре.

¹¹ ...время... не многого стоившее... – период увлечения либеральными идеями в конце 10-х – начале 20-х гг.

¹² ...великого поэта... – вероятно, Жуковского.

¹³ «Рамаяна» – древнеиндийская эпическая поэма, созданная около IV в. до н. э. В окончательном виде, дополненная и частично модифицированная в традиции певцов-сказителей, сложилась ко II в.

что теперь бесследно для вашего ума проходит перед вами, тотчас поразило бы вас! Как все приняло бы новый облик в ваших глазах!

А в ожидании этого все же потолкуем. Еще недавно, с год тому назад, мир жил в полном спокойствии за свое настоящее и будущее и в молчании проверял свое прошлое, поучаясь на нем. Ум возрождался в мире, человеческая память обновлялась, мнения сглаживались, страсть была подавлена, гнев не находил себе пищи, тщеславие находило себе удовлетворение в прекрасных трудах; все людские потребности ограничивались мало-помалу кругом умственной деятельности, и все интересы людей сводились мало-помалу к единственному интересу прогресса вселенского разума. Во мне это было верой, было легковерием бесконечным. В этом счастливом покое мира, в этом будущем я находил мой покой, мое будущее. И вдруг нагрянула глупость человека¹⁴, одного из тех людей, которые бывают призваны, без их согласия, к управлению людскими делами. И мир, безопасность, будущее, – все сразу обратилось в ничто. Подумайте только: не какое-либо из тех великих событий, которые ниспровергают царства и несут гибель народам, а нелепая глупость одного человека сделала все это! В вашем вихре вы не могли почувствовать этого, как я; это вполне понятно. Но статочное ли дело, чтобы это небывалое и ужасное событие, несущее на себе столь явную печать провидения, казалось вам самой обыкновенной прозой или самое большее дидактической поэзией, вроде какого-нибудь лиссабонского землетрясения, с которым вам нечего было бы делать? Это невозможно! Что до меня, у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бедствие. И тем не менее да, из этого воспоследует одно только добро; я в этом вполне уверен, и мне служит утешением видеть, что я не один не теряю надежды на то, что разум образумится. Но как совершится этот возврат, когда? Будет ли в этом посредником какой-либо могучий дух, облеченный провидением на чрезвычайное посланничество для совершения этого дела, или это будет следствием ряда событий, вызванных провидением для наставления рода человеческого? Не знаю.

Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже¹⁵, или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего, освященного временем¹⁶. Почему бы и не так? Не все ли равно, так или иначе будет пущено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого? Многие из предшествовавшего той великой минуте, когда добрая весть была возвещена во дни оны посланником Божиим, имело своим предназначением приготовить вселенную; многое также несомненно совершится и в наши дни с подобной же целью, прежде чем новая добрая весть будет нам принесена с небес. Будем ждать.

Говорят, ходят толки о всеобщей войне? Я утверждаю, что ничего подобного не будет. Нет, мой друг, пути крови не суть пути провидения. Как люди ни глупы, они не станут раздирать друг друга, как звери: последний поток крови пролит, и теперь, в тот час, когда я пишу вам, источник ее, слава богу, иссяк.

Спора нет, бури и бедствия еще грозят нам; но уже не из слез народов возникнут те блага, которые им суждено получить; отныне будут лишь случайные войны, несколько бес-

¹⁴ ...вдруг нагрянула глупость человека – французского короля Карла X, политика которого послужила одной из причин Июльской революции 1830 года.

¹⁵ Религия в учении французского утописта-социалиста Сен-Симона становилась инструментом в поступательном развитии общественного прогресса.

¹⁶ Имеется в виду религиозное течение, возглавляемое в начале 30-х гг. XIX в. Ламенне, в котором традиционное католичество соединялось с идеями всеобщего равенства.

смысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам. Заметили ли вы, что только что произошло во Франции? Разве люди не вбили себе в голову, что она намерена поджечь мир с четырех концов? И что же, ничего подобного; а что произошло? Любителей славы, захватов подняли на смех; люди мира и разума восторжествовали; старые фразы, которые еще недавно так отменно звучали для французских ушей, уже не находят себе отклика.

Отклик! Кстати, по его поводу. Конечно, весьма счастливо, что г-да Ламарк и его сотоварищи не находят отклика во Франции; но я-то найду ли его, мой друг, в вашей душе? Посмотрим. Однако при одной возможности сомнения в этом у меня падает из рук перо. От вас будет зависеть, чтобы я поднял его; немного сочувствия в вашем следующем письме. Г-н Нащокин говорил мне, что вы изумительно ленивы. Поройтесь немного в вашей голове и в особенности в вашем сердце, которое так горячо бьется, когда хочет этого: вы найдете там больше предметов для переписки, чем нам может понадобиться на весь остаток наших дней. Прощайте, дорогой и старый друг. А что ж моя рукопись? Я чуть было не забыл ее. Вы не забудьте о ней, прошу вас. Чаадаев.

18 сентября

Мне говорят, что вы назначены, или еще каким-то способом поручено вам написать историю Петра Великого¹⁷? В добрый час! Поздравляю вас от всего сердца.

Подожду, прежде чем сказать вам что-либо по этому поводу, чтобы вы сами заговорили со мной об этом. Итак, прощайте.

Я только что увидал два ваших стихотворения¹⁸. Мой друг, никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы – национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать. Мы поговорим об этом другой раз, и подробно. Я не знаю, понимаете ли вы меня, как следует? Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. Да, мой друг, пишите историю Петра Великого. Не все держатся здесь моего взгляда, это вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдем вперед; когда угадал... малую часть той силы, которая нами движет, другой раз угадаешь ее... наверное всю. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант...¹⁹ может быть, слишком поспешный. Подождем.

¹⁷ В сентябре 1831 г. Пушкин писал П.В. Нащокину, что царь позволил ему «рыться в архивах для составления Истории Петра I».

¹⁸ «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

¹⁹ Подлинник оборван.

1832

Шеллингу²⁰

1832. Москва

Милостивый государь.

Не знаю, помните ли вы молодого человека, русского по национальности, которого вы видели в Карлсбаде в 1825 году? Он имел преимущество часто беседовать с вами о философских предметах, и вы сделали ему честь сказать, что с удовольствием делитесь с ним вашими мыслями. Вы сказали ему, между прочим, что по некоторым пунктам вы изменили свои воззрения, и вы посоветовали ему подождать выхода нового произведения, которым вы тогда были заняты, прежде чем знакомиться с вашей философией. Это произведение не появилось, и этот молодой человек был я. В ожидании я прочел, милостивый государь, все ваши произведения. Сказать, что я поднялся по вашим стопам на те высоты, куда в таком прекрасном порыве вознес вас ваш гений, было бы, может быть, самонадеянностью с моей стороны; помнится, вы находили, что г. Кузен плохо вас понял; и было бы слишком смело со стороны человека, неизвестного в европейском мире, притязать на превосходство перед столь крупной литературной известностью; но мне будет позволено, думаю я, сказать вам, что изучение ваших произведений открыло мне новый мир; что при свете вашего разума мне приоткрылись в царстве мыслей такие области, которые дотоле были для меня совершенно закрытыми; что это изучение было для меня источником плодотворных и чарующих размышлений; мне будет позволено сказать вам еще и то, что, хотя и следуя за вами по вашим возвышенным путям, мне часто доводилось приходить в конце концов не туда, куда приходили вы. В настоящее время я узнал от одного из своих друзей, который провел недавно несколько дней в ваших местах, что вы преподаете *философию откровения*. Публичный курс, который вы читаете в настоящее время, милостивый государь, является, думается мне, развитием той мысли, которая зарождалась в вашем уме, когда я вас видел в Карлсбаде. Мне неизвестно, что представляет из себя то учение, которое вы излагаете в данное время вашим слушателям, хотя, признаюсь, при чтении вас у меня зачастую являлось предчувствие, что из вашей системы должна когда-нибудь проистечь религиозная философия; но я не нахожу слов сказать вам, как я был счастлив, когда узнал, что глубочайший мыслитель нашего времени пришел к этой великой мысли о слиянии философии с религией. С первой же минуты, как я начал философствовать, эта мысль встала передо мной, как светоч и цель всей моей умственной работы. Весь интерес моего существования, вся любознательность моего разума были поглощены этой единственной мыслью; и по мере того, как я подвигался в моем размышлении, я убеждался, что в ней лежит и главный интерес человечества. Каждая новая мысль, примыкавшая в моем уме к этой основной мысли, казалась мне камнем, который

²⁰ Чаадаев познакомился с Шеллингом в августе 1825 г. в Карлсбаде и вместе с А. И. Тургеневым и Тютчевым оказался в числе первых представителей русской культуры, с которых началось и через которых осуществлялось более тесное общение немецкого философа с поклонниками из России. В конце 20-х – начале 30-х гг. в Мюнхене, а позднее в Берлине Шеллинга посетят братья Киреевские, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.А. Рожалин, В.П. Титов, Н.А. Мельгунов, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков. Среди особо заинтересовавших его почитателей он назовет и Чаадаева, считая его одним из наиболее прекрасных людей, когда-либо встреченных им в жизни. И хотя после карлсбадских встреч они более не виделись, Чаадаев произвел сильное впечатление на Шеллинга сходным умонастроением. Чаадаев же с заинтересованным сочувствием следил за эволюцией мысли Шеллинга от «философии тождества» к «философии мифологии и откровения», или «положительной философии», призванной соединить веру и знание, познать самораскрытие бога через «мировые эпохи» исторического процесса.

я приносил для построения храма, где все люди должны будут когда-нибудь сойтись для поклонения, в совершенном знании, явному богу. Затерянный в умственных пустынях моей страны, я долго полагал, что я один истощаю свои силы над этой работой или имею, по крайней мере, лишь немного сотоварищей, рассеянных по земле; впоследствии я открыл, что весь мыслящий мир движется в том же направлении; и великим был для меня тот день, когда я сделал это открытие. Но в то же время я был поражен потребностью в высоком индивидуальном разуме, в отдельном великом деятеле, созданном для того, чтоб руководить всеми разумами, всеми деятелями толпы. С тех пор естественно я стал думать о вас. Я сказал себе, возможно ли, чтоб новый свет, который несомненно вскоре просветит нас всех, не воссиял во всем своем блеске, прежде чем открыться глазам всего мира, пред очами этого человека, столь высоко поставленного в моральной сфере мира и которому род человеческий обязан в значительной мере тем, что вновь обрел свои первые и святые воззрения? Он, согласившийся столько расходящихся начал человеческой мысли, не приведет ли к соглашению религиозное начало с началом философским, которые уже теперь соприкасаются? Одним словом, в моих сокровенных положениях прогресса и совершенствования я предназначал вас к осуществлению того великого переворота, к которому, на мой взгляд, стремится новый разум: и вот мне говорят, что уже не земную науку возвещает ваше красноречивое слово, а науку небесную; мои желания, мои предчувствия осуществились в некотором роде!

Сначала, милостивый государь, я хотел написать вам лишь в целях поблагодарить вас. Но теперь я не могу противостать желанию узнать что-нибудь об этом новом облике вашей системы. Будет ли с моей стороны нескромностью просить вас (без всяких других прав на благосклонное внимание, кроме моей страсти к прогрессу человеческого разума и моего качества гражданина страны, в высокой степени нуждающейся в просвещении) сообщить мне некоторые данные об общих основах или главной мысли вашего теперешнего учения. Ибо, как ни могуществен ваш голос, милостивый государь, он не достигает наших широт; мы очень удалены от вас, милостивый государь; мы принадлежим к другой солнечной системе; и светлый луч, исходящий от какой-либо из звезд вашего мира, совершает огромный путь, прежде чем достигнуть нашего, и зачастую теряется в пути.

Если г. Тургенев, друг, о котором я только что говорил вам, все еще в сношениях с вами, он мог бы, пожалуй, сообщить вам, что мои научные занятия и мои труды делают меня достойным общения с вами. Как бы то ни было, в данную минуту я не хочу ни говорить вам о своих собственных мыслях, ни повергать на ваше авторитетное суждение то, что я с моей стороны называю своей системой; я знаю, что если на этот раз я могу рассчитывать на что-либо, то исключительно на интерес, который вы могли бы найти в том, чтобы ввести в вашу философию не только меня, но через мое посредство и целое молодое поколение, бедное настоящим, но богатое будущим, столь же жадное к просвещению, как и имеющее мало средств к удовлетворению своего научного пыла и великие судьбины которого не могут быть безразличны мудрецу, стремящемуся объять вселенскую судьбу всех вещей. Я очень желал бы, милостивый государь, не обмануться на этот раз в моем ожидании, как когда-то, но, что бы ни случилось, я никогда не перестану удивляться вам и сохраню память о тех немногих часах, когда я наслаждался беседой с вами.

Благоволите принять, милостивый государь, уверения в моем глубоком уважении.

1833

А. И. Тургеневу²¹

Вот, любезный друг, письмо к знаменитому Шеллингу, которое прошу вас доставить ему²². Известие, которое вы как-то сообщили мне о нем в письме к вашей кузине, внушило мне мысль написать ему. Письмо открыто, прочтите его, и вы увидите, о чем речь. Так как я пишу ему о вас, то я хотел, чтобы оно чрез вас и дошло к нему. Вы сделаете мне одолжение, если, посылая ему это письмо, сообщите ему, что я владею немецким языком, потому что мне хотелось бы, чтобы он отвечал мне (если он пожелает оказать мне эту честь) на том языке, на котором он столько раз воскрешал моего друга Платона и на котором знание стало благодаря ему поэзией и вместе геометрией, а теперь, может быть, уже и религией. Дай-то бог! Пора всему этому слиться воедино.

Вы пишете г-же Бравура²³, что не знаете, о чем мне писать. Да вот вам тема для начала, а потом видно будет. Но вы, мой друг, должны писать мне по-французски. Не в обиду вам сказать, я люблю больше ваши французские, нежели ваши русские, письма. В ваших французских письмах больше непринужденности, вы в них больше – вы сами. А вы только тогда и хороши, когда остаетесь совершенно самим собой. Ваши циркуляры на родном языке – это, мой друг, не что иное, как газетные статьи, правда, очень хорошие статьи, но именно за это я их не люблю, между тем как ваши французские письма не сбиваются ни на что и потому кажутся мне великолепными. Если бы я писал женщине, я сказал бы, что они похожи на вас. Притом вы – европеец до мозга костей. В этом, как вам известно, я знаю толк. Поэтому французский язык – ваш обязательный костюм. Вы растеряли все части вашей национальной одежды по большим дорогам цивилизованного мира. Итак, пишите по-французски и, пожалуйста, не стесняйтесь себя, так как, по милости новой, необыкновенно сговорчивой школы, отныне дозволено писать по-французски столь же непринужденно, как по-явански, где, по слухам, пишут безразлично сверху вниз или снизу вверх, справа налево или слева направо, не терпя от того никаких неудобств.

Только что появилась здесь (в газете) статья о нашем философе²⁴ – вздор беспримерный, как вы легко можете себе представить. Если он хочет, чтобы его понимали в этой стране, ему следует, я думаю, ответить на мое письмо. Как и все народы, мы, русские, подвигаемся теперь вперед бегом, на свой лад, если хотите, но мчимся несомненно. Пройдет немного

²¹ Неоднократно и подолгу путешествуя по Европе, А.И. Тургенев имел широкие знакомства в политических, научных, литературных кругах и посылал в Россию многокрасочные путевые заметки, которые печатались в «Московском телеграфе», «Современнике», «Москвитянине». По воспоминаниям Вяземского, он состоял в переписке с братьями и друзьями, с духовными лицами всех возможных исповеданий, с дамами всех возрастов, короче говоря, «со всею Россией, Францией, Германией, Англией и другими государствами...». Одним из самых постоянных и значительных корреспондентов Тургенева был Чаадаев, который особенно сблизился со старым университетским товарищем в начале 30-х гг. Тургенев делал для «московского философа», как он называл Чаадаева, разнообразные выписки из нашумевших на Западе книг и статей, присылал и привозил ему из-за границы новейшие сочинения по различным отраслям знания, знакомил европейские салоны с его философическими письмами.

²² Речь идет о послании к Шеллингу, которое Чаадаев, видимо, переделывал и переслал его Тургеневу лишь весной 1833 г.

²³ *Мария Бравура* – московская красавица, итальянка по происхождению, знакомство с которой поддерживали П.А. Вяземский, М.Ф. Орлов, А.И. Тургенев, М.И. Глинка, И.С. Гагарин и другие известные современники Чаадаева. Последний, судя по ее неопубликованным письмам, знакомил Бравуру со своими идеями. «Ваши глубокие размышления о религии, – отвечала она ему, получив „желанные рукописи“, – были бы выше моего понимания, если бы я с детства не была напитана всем тем, что имеет отношение к католическому культу, который я исповедую, и всем, что ведет к Единству...»

²⁴ Имеется в виду Шеллинг.

времени, и, я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо, потому что не встретят у нас ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые противостали бы им. Поэтому для европейского мыслителя судьба его идей у нас теперь, как мне кажется, не может быть совсем безразличной. Впрочем, прочитав мое письмо, вы увидите, что я пишу ему не для того, чтобы снискать себе письмо великого человека, и что в моем поступке нет тщеславия, – что я просто хочу знать, что делается и до чего дошел человеческий ум в этой области.

Я хотел бы также, мой друг, немного побеседовать с вами, но для лучшего осведомления подожду, пока вы первый напишете мне. Кто знает? может быть, мы сумеем сообщить друг другу много добрых и серьезных вещей, которые не затеряются в пространстве бесследно. А пока я должен, по моему обыкновению, пожуричь вас. Как! вы живете в Риме и не понимаете его, после того как мы столько говорили о нем! Поймите же раз навсегда, что это не обычный город, скопление камней и люда, а безмерная идея, громадный факт. Его надо рассматривать не с Капитолийской башни, не из фонаря св. Петра, а с той духовной высоты, на которую так легко подняться, попирая стопами его священную почву. Тогда Рим совершенно преобразится перед вами. Вы увидите тогда, как длинные тени его памятников ложатся на весь земной шар дивными поучениями, вы услышите, как из его безмолвной громады звучит мощный глас, вещающий неизреченные тайны. Вы поймете тогда, что Рим – это связь между древним и новым миром, так как безусловно необходимо, чтобы на земле существовала такая точка, куда каждый человек мог бы иногда обращаться с целью конкретно, физиологически соприкоснуться со всеми воспоминаниями человеческого рода, с чем-нибудь осязательным, осязательным, в чем видимо воплощена вся идея веков, – и что эта точка – именно Рим. Тогда эта пророческая руина поведаст вам все судьбы мира, и это будет для вас целая философия истории, целое мировоззрение, больше того – живое откровение. И тогда – как не преклониться пред этим обаятельным символом стольких веков, как не накинуть завесу на его обезображенный облик? Но папа, папа! Ну, что же? Разве и он – не просто идея, не чистая абстракция? Взгляните на этого старца, несомого в своем паланкине под балдахином, в своей тройной короне, теперь так же, как тысячу лет назад, точно ничего в мире не изменилось: поистине, где здесь человек? Не всемогущий ли это символ времени – не того, которое идет, а того, которое неподвижно, чрез которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается? Скажите, неужели вам совсем не нужно, чтобы на земле существовал какой-нибудь непреходящий духовный памятник? Неужели, кроме гранитной пирамиды, вам не нужно никакого другого создания, которое было бы способно противостоять закону смерти?

Покойной ночи, мой друг. Остальное – до другого раза, если хотите. Пишите мне. До свидания.

Кстати: я вижу многих ваших друзей, всех ваших дам, Пашковых, Киндяковых и пр. Все вас любят и дружески приветствуют, как и я.

Москва, 20 апреля

Гр. А. Х. Бенкендорфу²⁵

Граф.

Я только что получил от генерала Васильчикова письмо, в котором он сообщает мне о благорасположении ко мне вашего сиятельства²⁶. Он пишет мне, граф, что вы желаете, чтобы я написал вам. Вы уже предлагали мне сделать это, когда я имел честь вас видеть последний раз. Если я до сих пор не воспользовался любезным предложением прибегнуть к вашему покровительству, то это потому, что, состоя некогда при генерале и считая себя связанным чувством благодарности за его постоянное дружеское ко мне отношение, я полагал, что должен рассматривать его как естественного моего покровителя. Надеюсь, граф, что вы оцените мое поведение при данных обстоятельствах и сохраните ваше милостивое расположение ко мне.

Я знаю, граф, что не имею никакого права на внимание правительства. Печальные обстоятельства, слишком долго удалявшие меня от службы, окончательно отбросили меня в число людей, не имеющих законных оснований предъявлять ему какие-либо ходатайства. Тем не менее я имею смелость надеяться, что, если его величество удостоит вспомнить обо мне, он, быть может, припомнит и то, что я не во всех отношениях недостоин того, чтобы он милостиво дал мне возможность доказать ему мою преданность и применить те силы, которые я мог бы отдать на службу ему. Я полагал сначала, что, за отсутствием навыка в гражданских делах, я могу ходатайствовать лишь о предоставлении мне дипломатической должности²⁷; и ввиду этого я просил генерала Васильчикова сообщить стоящему во главе ведомства иностранных дел некоторые соображения, которые, как мне казалось, могли бы найти применение при настоящем положении Европы, а именно о необходимости пристально следить за движением умов в Германии. Да и в настоящую минуту я вижу, что это было бы той службой, на которой я мог бы лучше всего использовать плоды моих научных занятий и труда всей моей жизни. Но положение вещей в мире политическом усложняется со дня на день, и при этих условиях правительство может положиться в таком деле лишь на хорошо известных ему лиц. Теперь я стремлюсь лишь к счастью быть известным его величеству. Среди дивных дел этого славного царствования, когда столько наших надежд осуществилось, столько наших благопожеланий исполнилось, наиболее разительным является выбор людей, призванных к делам. И если всегда утверждали, что первым качеством монарха является умение найти людей, то, конечно, каждый из подданных его величества, раз он только стремится к чести быть им замеченным, может быть вполне уверен, что его усердие будет

²⁵ С будущим начальником III Отделения Чаадаев познакомился еще на полях Отечественной войны 1812 г., затем состоял вместе с ним в одной масонской ложе «Соединенных друзей», общался с Бенкендорфом по службе, будучи адъютантом командира гвардейского корпуса И.В. Васильчикова до выхода в отставку в феврале 1821 г. После возвращения из-за границы в 1826 г. Чаадаев встречался с начальником III Отделения при неустояченных обстоятельствах, а в 1833 г. обратился к нему в связи с желанием поступить на государственную службу. К службе его подвигали и финансовые затруднения, и повышавшийся авторитет в обществе, и стремление взять на себя роль одного из активных проводников «политики рода человеческого», о которой он размышлял на страницах философических писем.

²⁶ В поисках должности на государственной службе Чаадаев обратился за протекцией к И.В. Васильчикову. Последний сообщал ему, что люди, к которым он обращался, признают высокие качества и прежние заслуги Чаадаева, но затрудняются найти место, соответствующее его чину отставного ротмистра. Он извещал далее своего бывшего адъютанта, что Бенкендорф выразил готовность помочь ему и просил его написать подробнее о своих желаниях, что тот и сделал в настоящем письме.

²⁷ О подготовке Чаадаева к дипломатической должности свидетельствует пристальное изучение им современных событий и расстановки политических сил в мире, исследование соответствующей литературы. «Мне кажется, — писал он до конца понятные лишь ему слова на полях книги Мартенса „Дипломатический путеводитель“, — что опасность действительно существует. И главным образом потому, что правительство станет на сторону народа... Боде может быть в Вюртенберге, нужно, прежде всего, сблизиться с Баварией... Миссия во все правительства Германии. — Система миссий. — Вспомните императора Александра. — Система жестоких репрессий будет иметь нежелательные результаты».

оценено по достоинству, что его пламенное желание служить ему не пропадет даром, что мудрость его государя сумеет разобраться в способностях, как бы ничтожны они ни были, раз он может ими воспользоваться для блага государства. Итак, я отдаю себя в полное и безусловное распоряжение его величества: я буду счастлив, если моей грядущей судьбой буду обязан исключительно моему императору, августейшему судье всех наших достоинств, законному ценителю тех услуг, которые каждый из нас может оказать отечеству!

Но вы, граф, согласившийся со столь благородной любезностью предстательствовать за меня перед лицом властителя, вы соблаговолите, смею надеяться, обратить его внимание и на невыгоды моего положения. В бозе почивший император²⁸, увольняя меня в отставку, не пожелал пожаловать мне чин полковника, следовавший мне, но которого я бесспорно не заслуживал ввиду моего смешного упорства уйти в отставку. Таким образом, я имею лишь чин капитана гвардии. Я должен сказать, однако, что, если плохое состояние моего здоровья и моих имущественных дел долгое время препятствовало мне поступить на службу его величества, я все же провел все это время не без того, чтоб постараться собрать кое-какие сведения и кое-какие знания, которые я мог бы при случае использовать для блага моей страны. Я в высшей степени нуждаюсь, граф, во всемогущем благорасположении императора. Без него, погребенный во мраке, на который осуждает меня мой чин, я едва ли могу рассчитывать на то, что взгляд его величества падет на меня.

Благоволите, граф, принять уверение в глубоком моем уважении.

Чаадаев

Москва. 1833. 1 июня

²⁸ Речь идет об Александре I.

Николаю I

Государь.

Ваше величество благоволили согласиться на мое ходатайство о принятии меня вновь на службу. Вам угодно, чтобы я поступил в министерство финансов. Ваша воля, государь, закон для меня, и милость, с которой вы снизошли на мою просьбу, составляет мое счастье. Но когда я решился вновь посвятить себя службе вашего величества, я имел в виду не только мою выгоду, я стремился и к славе с пользой послужить вам. Ведомство, к которому вы меня предназначаете, государь, предполагает положительные сведения по предмету, который мне чужд. Одушевленный желанием исполнить вашу волю, я вижу, что прилежанием в сих предметах я в состоянии буду достигнуть когда-нибудь знакомства с ними в общих чертах. Но, государь, высокие взгляды, проводимые вами во всех отраслях управления, и великие законодательные меры, предпринятые вами, делают из вашего царствования славную эпоху, когда рядовые способности и знания у служителей государства уже не могут соответствовать тому широкому размаху, который придан правлению. Я, государь, мог бы явить на этом поприще лишь непригодность человека, все научные занятия которого в прошлом связаны были с предметами, чуждыми этой области.

Государь, я не смею проникать вашей царственной мысли, мне неведомы ваши намерения относительно меня. Но я знаю, и весь мир, как и я, знает, что все действия вашего правительства запечатлены великой мыслью, и эта мысль исходит от вас. Я обращаюсь поэтому к вам в сознании, что говорю с государем, столь же высоко стоящим, как человек среди людей, сколь он высоко поставлен как монарх среди монархов.

Я много размышлял над положением образования в России и думаю, государь, что, заняв должность по народному просвещению, я мог бы действовать соответственно предначертаниям вашего правительства. Я думаю, что в этой области можно много сделать, и именно в том духе, в котором, как мне представляется, направлена мысль вашего величества. Я полагаю, что на учебное дело в России может быть установлен совершенно особый взгляд, что возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших взглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, во всем не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздействовать на них. Если бы эти мысли оказались согласными со взглядами вашего величества, я был бы несказанно счастлив содействовать осуществлению их в нашей стране. Но прежде всего, я глубоко убежден, что какой-либо прогресс возможен для нас лишь при условии совершенного подчинения чувств и взглядов подданных чувствам и взглядам монарха.

Государь, я счел долгом честного человека доложить вам о моей непригодности в той области, которую вы мне предназначили, и о том, что я мог бы дать в другой области. Но какова бы ни была ваша верховная воля по отношению ко мне, я буду счастлив подчиниться ей. Вы, государь, судья в вопросе о том, какое применение следует дать для общего блага способностям того или другого из ваших подданных. Я умоляю лишь ваше величество соблаговолить милостиво оценить те поводы, которые вызывают мое поведение в настоящем случае.

Государь,
имею честь быть
вашего величества
верноподданный
Чаадаев

Июль 15

А. Х. Бенкендорфу²⁹

*Милостивый государь
граф Александр Христофорович.*

Я имел честь получить письмо вашего сиятельства. Государь император желает, чтоб я служил по министерству финансов. Я осмелился отвечать на это самому государю. Прошу покорнейше ваше сиятельство письмо мое вручить его величеству.

Я пишу к государю по-французски. Полагаясь на милостивое ваше ко мне расположение, прошу вас сказать государю, что, писавши к царю русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал. Это новое тому доказательство, что я в письме своем говорю его величеству о несовершенстве нашего образования. Я сам живой и жалкий пример этого несовершенства.

Вашему сиятельству доложу я еще, что если вступлю в службу, то в сей раз пишу по-французски в последний. По сие время писал я на том языке, на котором мне всего было легче писать. Когда стану делать дело, то бог поможет, найду и слово русское: но первого опыта не посмел сделать, писав к государю.

С глубочайшим почтением честь имею быть вашего сиятельства, милостивого государя, покорный ваш слуга Петр Чаадаев.

*Москва,
июля 15. 1833*

²⁹ Это письмо, сопровождающее послание Николаю I, и следующие письма к Бенкендорфу, связанные с вопросами устройства на службу, написаны по-русски. Отвечая Чаадаеву на сопроводительное письмо, Бенкендорф замечал: «Получив письмо ваше от 15 минувшего июля и усматривая из оно, что вы, в приложенном при сем письме вашем на высочайшее имя, упоминаете о несовершенстве образования нашего, я, имея в виду пользу вашу, не решился всеподданнейшего письма вашего представить государю императору, ибо его величество, конечно бы, изволил удивиться, найдя диссертацию о недостатках нашего образования там, где вероятно ожидал одного лишь изъявления благодарности и скромной готовности самому образоваться в делах, вам вовсе неизвестных. Одна лишь служба, и служба долговременная, дает нам право и возможность судить о делах государственных, и потому я боялся, чтобы его величество, прочитав ваше письмо, не получил о вас мнение, что вы, по примеру легкомысленных французов, принимаете на себя судить о предметах, вам неизвестных. В сем уважении я счел лучшим препроводить к вам обратно всеподданнейшее ваше письмо, которое при сем прилагаю, имея честь быть с совершенным почтением и преданностью вам покорнейший слуга граф Бенкендорф». Настоячивое желание Чаадаева служить в министерстве просвещения не исполнилось, и переписка с Бенкендорфом прервалась. Известно только, что в конце 1833 г. царь соизволил определить его по министерству юстиции, но Чаадаев, желавший служить именно для русского просвещения, пренебрег этим предложением.

А. Х. Бенкендорфу

*Милостивый государь
граф Александр Христофорович.*

Приношу живейшую мою благодарность вашему сиятельству за участие, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Получив письмо ваше, я был тронут, найдя в нем, что вы для собственной моей пользы не вручили государю всеподданнейшего письма моего. Возвращая это самое письмо вашему сиятельству, я отнюдь не имею дерзости ожидать, чтоб оно сделалось известным его величеству, но прошу вас только прочесть его. Надеюсь, что вы увидите, что я не имел безумия включить в оное рассуждения о делах государственных и что в особенности нет в нем ничего похожего на преступные действия французов, которыми более кого-либо гнушаюсь. Мнение государево для меня неоцененно, и я чрезмерно счастлив, что благосклонностью вашею сохранен от невыгодного его величества обо мне понятия, но и мнение ваше для меня драгоценно, потому и решился я представить это письмо на ваше суждение.

Осмелюсь только сказать в оправдание свое насчет того выражения, которое показалось вам предосудительным, что мне кажется, что состояние образованности народной не есть вещь государственная и что можно судить об образованности своего отечества, не отваживаясь мешаться в дела государственные, потому что всякий по собственному опыту знать может, какие способы и средства в его отечестве для учения употребляются, а глядя вокруг себя, оценить степень просвещения в оном. К тому же, говоря о несовершенстве нашего образования, я не помышлял хулить наши учебные учреждения и действия правительственные, а разумел только образ ученья нашего, коего недостатков ношу в себе горестное сознание. Прошу ваше сиятельство покорнейше простить мне это скромное прекословие, которое себе позволил единственно из желания оправдать себя пред вами.

Впрочем, какое бы мнение ваше сиятельство по сему обо мне ни возымели, в моих понятиях, долг святой каждого гражданина, покорность безусловная властям провидением поставленным, а вы, облеченные доверием самодержца, представляете в глазах моих власть его. Всякому вашему решению смиренно повиноваться буду.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и преданностью вашего сиятельства покорный слуга

*Петр Чаадаев
16 августа 1833. Москва*

А. Х. Бенкендорфу

*Милостивый государь
граф Александр Христофорович.*

Не имея никакого права ожидать ответа на письмо, которое писал к вашему сиятельству прошлого августа месяца, во время отсутствия вашего за границу, теперь осмеливаюсь писать к вам единственно для того, чтоб, если вы по сему случаю как-либо не изволили получить письма моего, известить вас, что я не оставил поступка своего без оправдания. Я знаю, что сего оправдания недостаточно, потому что в таких делах не имею возможности представиться вам в другом виде, в каком раз представился. Но, находясь по сему случаю также и пред высоким лицом государя, не мог я не употребить, хотя и без надежды, все средства, дабы заслужить вновь милостивого воззрения его величества.

Уверяю вас, ваше сиятельство, что никто лучше меня самого не может оценить моего безрассудства и что горесть моя, лишив себя счастья служить государю, неопишима.

С глубочайшим почтением имею честь быть,
милостивый государь, вашего сиятельства
покорнейший слуга Петр Чаадаев.

1835

А. И. Тургеневу

Ваше письмо, дорогой друг, доставило мне большое удовольствие. Оно преисполнено того горячего участия к делам, представляющим общий интерес, которое с каждым днем все реже встречается среди нас: скоро об этом и помину не будет. Но я должен вам сказать, что оно и огорчило меня. Рукопись, о которой вы говорите³⁰, никуда не годится; вот почему я и хотел взять ее у вас обратно при вашем отъезде. Поэтому я и не намерен ответственность за ее содержание. Вы получите другой экземпляр того же; бросьте этот в огонь, и пусть от него и следов не останется. Вы поймете поэтому, что я не имею ничего возразить против благожелательных исправлений графини Ржевусской. Уверьте ее, пожалуйста, если встретите ее, что я весьма тронут ее симпатиями и, в качестве философа женщин³¹, очень высоко их ставлю. Как знать? Быть может, когда-нибудь мне доведется лично высказать ей это. Если я выберусь когда-нибудь из моей страны, то она может быть уверена, что мне ничего не будет стоить сделать крюк миль в двести и даже более, чтобы засвидетельствовать ей мое почтение. Но в ожидании того, что мне удастся посетить эту умную женщину, представьте себе, что все умные женщины уезжают отсюда. Орлова уезжает; Бравура уезжает; Елагина уезжает; княгиня Мещерская уехала. Эта, по крайней мере, вернется; что касается остальных, то они отправляются к вам в Италию: вы легко можете себе представить, что я не пожелал им счастливого пути, ибо, видит бог, у нас и без того довольно...

Имеете ли вы известия о том, что у нас появилось в свет на этих днях? Во-первых, мы имеем том рассказов Павлова³². Постарайтесь добыть его и прочтите первый рассказ³³: это стоит почитать. Или я очень ошибаюсь, или это произведение представляет событие. Затем у нас есть драма. Тоже событие, но в другом смысле. Пьеса озаглавлена Скопин-Шуйский³⁴; автор – Кукольник, нечто в роде Виктора Гюго в маленьком формате и, понятно, без его устремлений. Вам известно, что этот Скопин-Шуйский одно из замечательнейших явлений нашей истории, единственное, быть может, по своему размеру на всем протяжении наших летописей. Это цивилизованный герой, герой на западный лад. Между тем в драме не он является первенствующим лицом, а Ляпунов. Этот последний – дикарь, варвар, своей варварской грузностью совершенно подавляющий Шуйского, и он является великим человеком данного поэтического произведения. Ему, следовательно, аплодисменты, ему фанатизм пуб-

³⁰ Речь идет о каком-то сочинении Чаадаева, которое Тургенев, видимо, собирался поместить в одном из французских журналов.

³¹ Чаадаев называл себя философом женщин не только потому, что его философические письма были обращены к даме. В прочитанных им книгах немало следов внимательного изучения женской физиологии и психологии, позволяющих раскрывать содержание такой самооценки. Например, в книге Бернардена де Сен-Пьера он отмечает для себя рассуждения о духовных особенностях «прекрасного пола», являющегося исключительно таковым лишь для «глазастых» людей. Для тех же, кто имеет еще и сердце, это и рождающий и кормящий пол, стойко переносящий тяготы подобного положения, набожный пол, несущий своих младенцев к алтарям и вдохновляющий в них религиозные чувства, мирный пол, держащий в своих руках иголку и нитку, а не ружье и шпагу, утешающий больных, а не проливающий кровь ближних. В природной женской пассивности и сердечной предрасположенности к самоотречению автор философических писем видел залог развития способности покоряться «верховой воле», чтобы лучше различать голос «высшего разума» и пропитаться «истинами откровения». Женское для Чаадаева является в известной степени антропологическим преломлением религиозного и послушным орудием провидения.

³² ...том рассказов Павлова – «Три повести» Н.Ф. Павлова.

³³ ...прочтите первый рассказ. – Первая повесть называлась «Именины».

³⁴ Речь идет о пятиактной драме Н.В. Кукольника «Князь М.В. Скопин-Шуйский».

лики. Вам понятно, куда клонит эта прекрасная концепция. Там есть места, исполненные дикой энергии и направленные против всего идущего с Запада, против всякого рода цивилизации, а партер этому неистово хлопает! Вот, мой друг, до чего мы дошли.

Еще любопытную вещь найдете вы в Библиотеке. Крик бешеного безумца против немецкой философии. Обратите на это свое внимание; никогда еще литературное бесстыдство, никогда еще цинизм духа не заходили так далеко; и что всего забавнее: эта статья помещена бок о бок с прелестнейшим письмом Жуковского, пропитанным немецким духом.³⁵

В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах. Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, так как для сего решительно отсутствует какой-либо материал, будет, понятно, если только удастся соорудить что-нибудь подобное, совершенно искусственным созданием. Таким образом, поэзия, история, искусство, все это рухнет в бездну лжи и обмана, и это в тот век, когда, в других местах, огромный анализ расправляется с последними остатками иллюзий в областях понимания. В настоящее время невозможно предвидеть, куда это нас приведет; быть может, в глубине всего этого скрывается некоторое добро, которое и проявится в назначенный для сего час; возможно, что это тоже своего рода анализ, который приведет нас в конце концов к сознанию того, что мы должны искать обоснования для нашего будущего в высокой и глубокой оценке нашего настоящего положения перед лицом века, а не в некотором прошлом, которое является не чем иным, как небытием. Как бы то ни было, в ожидании того, что предначертания провидения станут явными, это направление умов представляется мне истинным бедствием. Скажите, разве это не жалость видеть, как мы в то время, как все народы братаются и все местные и географические отличия стираются, обращаемся таким образом вновь на себя и возвращаемся к квасному патриотизму? Вы знаете, что я держусь того взгляда, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. Поставленная вне того стремительного движения, которое уносит там умы, имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирая на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки. Но если это направление умов продолжится, мне придется проститься с моими прекрасными надеждами: можете судить, чувствую ли я себя ввиду этого счастливым. Мне, который любил в своей стране лишь ее будущее, что прикажете мне тогда делать с ней? Этой точке зрения, свободной от всяких предрассудков, от всяких эгоизмов, замедляющих еще в старом обществе конечное развитие разума, точке зрения, к которой принуждает нас самая природа вещей; этому могучему порыву, который должен был перенести нас одним скачком туда, куда другие народы могли прийти лишь путем неслыханных усилий и, пройдя через страшные бедствия, этой широкой мысли, которая у других могла быть лишь результатом духовной работы, поглотившей целые века и поколения, предпочитают узкую идею, отвергнутую в настоящее время всеми нациями и повсюду исчезающую. Ну что ж, пусть будет так; я больше в это вмешиваться не стану. Я громко высказал мою мысль, остальное будет делом бога. Будьте здоровы, мой друг. *Да придет царствие твое.*

Доставьте мне удовольствие: соберите кой-какие сведения о некоем Филарете Шаль, превосходные статьи которого попадают мне в *Revue de Paris*³⁶. Затем, что такое аббат Лакордер? Свечина может вам наверное сообщить кой-что о нем. Кн. Мещерская вернулась

³⁵ Речь идет о журнале «Библиотека для чтения», в девятом томе которого была напечатана анонимная критическая статья «Германская философия» и «Отрывок письма из Швейцарии» В.А. Жуковского, озаглавленный «Две всемирные истории».

³⁶ *Revue de Paris* – французский журнал, основанный в 1829 г., в котором напечатали свои произведения О. де Бальзак, А. Дюма, Э. Сю и другие известные писатели. В 1845 г. был закрыт в связи с финансовыми трудностями, а в 1851 г. стал выходить вновь.

и поручила мне сказать вам, что она говорила о ваших Обливанцах, и что эти маленькие преследования происходят без ведома высших властей, и что преследователи уже получили выговор по этому поводу.

1 мая

А. И. Тургеневу

Вот, дорогой друг, рукопись, которую я обещал прислать вам. Это лишь новый экземпляр того, что у вас есть; но он может на этот раз, думается мне, без стыда появиться перед публикой цивилизованного мира. Поспешите, пожалуйста, уведомить меня о получении. Вы понимаете, что я не вполне уверен в его благополучном прибытии. Впрочем, заботу о нем взял на себя Мейндорф. Мейндорф много рассказывал мне о какой-то *France littéraire*³⁷, где он во что бы то ни стало хочет напечатать меня. В добрый час. Но что такое *France littéraire*? Сиркуры³⁸ не больно ее хвалят. Это, говорят, партийное предприятие. Не забудьте сообщить мне, получили ли вы длинное письмо в ответ на ваше письмо из Вены, где я писал вам о всякой всячине, главным образом о некоторых наших литературных произведениях. На этот раз я вам не сообщу ничего. Итак, будьте здоровы. Если правда, что вы все еще в Париже, в этом центре мрачного света, то не забудьте, когда будете писать мне, послать мне несколько лучей этого мрака, ну хотя бы что-нибудь Мишле, Лерминье, проповедь Лакордера и т. д. и т. п. Передайте, пожалуйста, пожатие руки из самых нежных вашему брату. Да придет царство твое.

³⁷ *France littéraire* – литературно-общественный журнал католического направления, периодически выходивший с 1832 по 1843 г.

³⁸ Сиркуры – речь идет о французском публицисте графе Адольфе де Сиркуре и его жене Анастасии Семеновне, урожденной Хлюстиной, в салоне которых собиралось избранное парижское общество.

А. И. Тургеневу

Благодарю вас, мой друг, за ваши крайне интересные сообщения. Это – настоящее обозрение в форме письма. Ваше письмо из Лондона в особенности живо меня заинтересовало. Значит, правда, что существует только одна мысль от края до края вселенной; значит, действительно, есть вселенский дух, парящий над миром, тот *Welt Geist*³⁹, о котором говорил мне Шеллинг и перед которым он так величественно склонялся; можно, значит, подать руку другому на огромном расстоянии; для мысли не существует пространства, и эта бесконечная цепь единомысленных людей, преследующих одну и ту же цель всеми силами своей души и своего разума, идет, следовательно, в ногу и объедает своим кольцом всю вселенную. Продолжайте давать мне чувствовать движение мира: ваши труды, я надеюсь, не пропадут даром. Есть, впрочем, вещи, которые ускользают от вас. Вы ничего мне не сказали, например, о последнем сочинении Гейне⁴⁰. Правда, что большая часть глав этой странной книги появилась уже раньше в различных журналах; но не может быть, чтобы соединение их в одно целое не вызвало волнения в философском мире. Знаете, как я назвал Гейне? Фиески в философии. Вы знаете, что он проводит параллель между Кантом и Робеспьером, Фихте и Наполеоном, Шеллингом и Карлом Х. Я, следовательно, только продолжил параллель и вполне естественно пришел к ужасающему сочетанию этих двух сатанинских существ, представляющих, как тот, так и другой, цареубийц, каждый на свой лад. Смею думать, что этот новый Фиески немногим лучше старого; но во всяком случае его книга есть покушение, во всем подобное бульварному, с тою только разницею, что короли Гейне законнее короля Фиески; ибо это, во-первых, сам господь бог, а затем все помазанные науки и философии. В остальном тот же анархический принцип, то же следствие вашей прославленной революции; наконец, как тот, так и другой бесспорно вышли из парижской грязи.

Я не знаю, каково в настоящее время ваше мнение об этом вулканическом извержении всей накопленной Францией грязи, выбросившем в свет плачевную золотую посредственность; что до меня, то я с каждым днем нахожу новые основания негодовать на него. Поверьте мне, оно отодвинуло мир на полстолетия назад, спутало окончательно все социальные идеи, и бог знает, когда они еще распутаются! Это суждение есть суждение ума беспристрастного в той степени, в какой это только возможно, ибо это ум русский, доведенный до пределов свойственной ему безличности. Вы знаете, что, по моим воззрениям, русский ум есть ум безличный по преимуществу. Дело в том, что оценить как следует европейские события можно лишь с того расстояния, на котором мы от них находимся. Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения, или, если угодно, мы – публика, а там актеры, нам и принадлежит право судить пьесу.

Эта великая пьеса, которая разыгрывается народами Европы и на представлении которой мы присутствуем в качестве холодных и беспристрастных зрителей, напоминает маленькую пьесу Загоскина, которая в скором времени будет поставлена здесь, на которую также будет взирать беспристрастная и холодная публика и заглавие которой *Недовольные*⁴¹. Недо-

³⁹ *Welt-Geist* – мировой дух (нем.).

⁴⁰ Речь идет о втором томе «Салона» Гейне.

⁴¹ Имеется в виду комедия М.Н. Загоскина. «Вы, верно, слышали, – сообщал о ходивших по Москве слухах близкий к кругу Герцена Н.А. Мельгунов члену кружка Станкевича Я.М. Неверову в январе 1835 г., – что Загоскин пишет комедию „Недовольные“, для которой тему ему дал государь». Прототипами же действующих лиц служили П.Я. Чаадаев и М.Ф. Орлов. Главный герой, князь Радугин, находясь в отставке и тратя много денег на прихоти жизни, сердится, что правительство не замечает его талантов и не использует их должным образом. На его желание получить государственную должность министр отвечает отказом почти теми же словами, что и Бенкендорф Чаадаеву: для этого нужна «большая опытность, которая приобретается продолжительной и постоянной службою...». Сын князя Владимир, которым восхищаются ученые умы Германии и Франции, говорит и пишет на нескольких иностранных языках, но плохо знает русский и презирает все оте-

вольные! Понимаете вы всю тонкую иронию этого заглавия? Чего я, с своей стороны, не могу понять, это – где автор разыскал действующих лиц своей пьесы. У нас, слава богу, только и видишь, что совершенно довольных и счастливых людей. Глуповатое благополучие, блаженное самодовольство – вот наиболее выдающаяся черта эпохи у нас; и что особенно замечательно, это то, что как раз в то время, когда все эти слепые и страстные национальные самоутверждения, враждебные друг другу, унаследованные христианскими народами от времен язычества, сглаживаются и все цивилизованные нации начинают отрекаться от презрительного самодовольства в своих взаимных отношениях, нам взбрело в голову стать в позу бессмысленного созерцания наших воображаемых совершенств. Говорят, что О...⁴² и я выведены в новой пьесе. Странная мысль сделать недовольного из О..., из этого светского человека, во всех отношениях счастливого, счастливого до фанатичности. А я, что я сделал, что я сказал такого, что могло бы послужить основанием к обвинению меня в оппозиции? Я только одно непрестанно говорю, только и делаю, что повторяю, что все стремится к одной цели и что эта цель есть царство божие. Уж не попала ли невзначай молитва господня под запрет? Правда, я иногда прибавляю, что земные власти никогда не мешали миру идти вперед, ибо ум есть некий флюид несжимаемый, как и электричество; что нам нет дела до крутны Запада, ибо сами-то мы не Запад; что Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы. Что же во всем этом еретического, скажите на милость? И почему бы я не имел права сказать и того, что Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть политика рода человеческого; что император Александр прекрасно понял это и что это составляет лучшую славу его; что провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами; что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; что все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить; что в этом наше будущее, в этом наш прогресс; что мы представляем огромную непосредственность без тесной связи с прошлым мира, без какого-либо безусловного соотношения к его настоящему; что в этом наша действительная логическая данность; что, если мы не поймем и не признаем этих наших основ, весь наш последующий прогресс вовеки будет лишь аномалией, анахронизмом, бессмыслицей. Пеняйте на Загоскина за всю эту болтовню, но позвольте вам сказать еще и следующее. В нас есть, на мой взгляд, изумительная странность. Мы сваливаем всю вину на правительство. Правительство делает свое дело, только и всего; давайте делать свое, исправимся. Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов. Взгляните на Восток! Разве это не классическая страна деспотизма? И что ж? Как раз оттуда пришел миру всяческий свет. Взгляните на арабов! Имели ли они хоть какое-нибудь представление о счастье, даруемом конституционным режимом? И тем не менее мы им обязаны доброй частью наших познаний. Взгляните на средние века. Имели ли они хоть малейшее понятие о несказанной прелесть золотой посредственности? И, однако, именно в средние века человеческий ум приобрел свою наивеличайшую энергию. Наконец, думаете ли вы, что цензура, упрятавшая Галилея в тюрьму, в чем-либо уступала цензуре Уварова и присных его? И тем не менее земля вертится себе после пинка, данного ей Галилеем! Следовательно, будьте гениальны и увидите.

чественное. В подобных штрихах легко проглядываются сатирически преувеличенные черты биографии Чаадаева. Заданность темы и нарочитое высмеивание, упрощающие реальную сложность характеров и нарушающие правдивость повествования, заведомо обрекали комедию Загоскина на неуспех. «Недовольные», – замечал Пушкин, – в самом деле скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор пошлый и натянутый не заставляет забывать отсутствие действия».

⁴² Имеется в виду М.Ф. Орлов.

Я только что прочел в *Journal des Débats*⁴³ превосходную статью Марка Жирардена по поводу нового издания св. Иоанна Златоуста. Если вы знакомы с Жир., то скажите ему, что московский философ⁴⁴, из ваших друзей, просит вас передать ему благодарность за нее. Нужно, чтобы там знали, что хорошее находит отголосок даже и в сих областях, где средняя температура пятнадцать дней кряду стоит на 30° Реомюра, как было у нас недавно, и что холод, замораживающий ртуть, не замораживает глубокой идеи. Быть может, также они поймут, что наш век не столь атеистичен, как о нем говорят, когда увидят, что религиозная идея немедленно встречает привет даже в столь отдаленной стране, как только она выражена выдающимся умом.

Жир. показывает, что весь прогресс физических наук за последнее время клонится к подтверждению системы, изложенной в библейской книге бытия, и основывается на новом трактате об электричестве Беккереля. Как раз в то время, как я сел писать вам, я кончал чтение этого трактата. Любопытно то, что сам автор не подозревает, что его книгу можно использовать в этом смысле, он даже опровергает те доводы, которые Кювье приводит в пользу космогонии Моисея. Я напал при чтении еще на одно странное обстоятельство. Как это случилось, что в великое дело электричества, в котором приняли участие люди всех цивилизованных наций, мы не внесли ничего? Кое-какие наблюдения над земным магнетизмом, сделанные чужестранцами, например Купфером, и это, пожалуй, все. Однажды попадается имя Симонова, из Казани, и то с тем, чтоб сказать ему, что его наблюдение ровно ничего не стоит. Приходится признаться, что в нашей умственной организации есть какой-то глубокий недостаток. Мы совершенно лишены, например, способности к логической последовательности, духа метода и постепенности. Спурцгейм в своей френологической классификации человеческих способностей дает этой группе название органа *причинности*; вот этот-то орган и остался без развития в нашем бедном мозгу; стоит только пощупать свой череп, чтоб убедиться в этом. Дело в том, что идея никогда не властвовала среди нас; мы никогда не были движимы великими верованиями, могучими убеждениями. Что представляют собой, в самом деле, мелочные события нашей религиозной истории по сравнению со вспышками христианской мысли на Западе? И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX ее век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р. Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов; вы увидите, что эти нации всегда жили жизнью одушевленной, разумной, плодотворной; что им с самого начала дана была некоторая идея и что погоня за этой идеей, ее развитие создали всю их историю; что, наконец, они всегда творили, выдумывали, изобретали. Скажите мне, где та идея, которую мы развиваем? Что мы открыли, выдумали, создали? Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам. Люди Европы странно ошибаются на наш счет. Вот, к примеру, Жуффруа сообщает нам, что наше предназначение — цивилизовать Азию. Прекрасно; но спросите его, пожалуйста, где те народы Азии, которые были цивилизованы нами? Разве что мастодонты и остальное ископаемое население Сибири; насколько мне известно, это единственный род существ, выведенный нами из мрака, да и то благодаря Палласам и Фишерам. Они упорно уступают нам Восток; по какому-то инстинкту европейской национальности, они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость; постараемся сами открыть

⁴³ *Journal des Débats* — газета, основанная во Франции в 1789 г. для публикации отчетов Учредительного собрания.

⁴⁴ ...московский философ... — Чаадаев так называет самого себя.

наше будущее и не будем спрашивать у других, что нам делать. Восток – удел господствующих над морями, это очевидно; мы значительно более удалены от него, чем англичане, и теперь уж не те времена, когда все перевороты на Востоке шли из Центральной Азии. Новый устав Индийской компании – вот отныне действительное цивилизирующее начало Азии. Мы призваны, напротив, обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни. Могучий голос, на этих днях раздавшийся в мире, в особенности послужит к ускорению исполнения судеб наших.

Пришедшая в остолбенение и ужас, Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась. Поэтому обратите внимание, что никогда еще ни одно действие правительства не было встречено более единодушными симпатиями нации, никогда не видано было более совершенного согласия между чувствами государя и чувствами народов! Ибо в данном случае само провидение говорило устами монарха: вот почему все инстинкты нации преклонились перед этим глаголом свыше.

Но, впрочем, будет философствовать; поговорим немного о себе. Я получил недавно вести о нашем славном Шеллинге через молодого Гагарина. Если все, что этот молодой человек передал мне от имени философа, не преувеличено, то я не могу не быть весьма тронутым этим приложением учения о *Тождестве* к моей незначительной персоне. По-видимому, жалкая статья *Библиотеки* не дошла до него⁴⁵. Но вы ничего мне не пишете больше о Балланше.

А знаете, что я было построил целую философию на его симпатиях⁴⁶. Признаюсь вам, впрочем, что я был крайне удивлен его суждению о моей статье; плохой экземпляр, бывший в его руках, не давал мне оснований рассчитывать на это. Как бы то ни было, в интересах философии вам не следовало бы давать порваться связям, установлению которых вы сами содействовали. Еще с кем бы мне очень хотелось установить сношения – это де Генуд. Есть что-то живое в этой душе священника: он не смотрит, сложа руки, на проходящих мимо людей, он стучится во все двери, он везде со своим Христом. Такова католическая философия. Начало католичества есть начало деятельное, начало социальное, прежде всего. Этот характер вы найдете в нем во все эпохи нового времени. Одно оно восприняло царство божие не только как идею, но еще и как факт, ибо одно оно владело теми священными традициями, тем учением избранных, которые во все времена поддерживали существование мира, причем этот последний даже и не подозревал об этом. В *мире был, и мир через него начал быть, и мир его не познал*⁴⁷. Как видите, моя религия не совсем совпадает с религией богословов, и вы можете мне сказать, пожалуй, что это и не религия народов. Но я вам скажу, что это та религия, которая скрыта в умах, а не та, которая у всех на языке; что это религия вещей, а не религия форм; что это религия, какова она есть, а не какова она нам кажется;

⁴⁵ См. прим. 6 к письмам 1835 года.

⁴⁶ ...построил целую философию на его симпатиях – согласно «симпатиям» французского философа Балланша, только «прогрессивный традиционализм», причудливо сочетающий в себе ультрамонтанство и свободолюбие, способен глобально и оптимистически обосновать социальную эволюцию, в которой полнота раскрытия человеческих способностей и станет конечным осуществлением религиозных начал: «Я надеюсь дать синтетическое изложение истории человечества. Я надеюсь показать историю общества от его темного зарождения и таинственной колыбели вплоть до высшего развития его силы и могущества... Осмелюсь сказать, что более широкий исторический синтез невозможен». Такие задачи французского философа глубоко впечатляли Чаадаева и совпадали с его собственными.

⁴⁷ Евангелие от Иоанна, I, 10.

наконец, что это та предвосхищенная религия, к которой в настоящее время призывают все пламенные сердца и глубокие души и которая, по словам великого историка будущего, станет в грядущем последней и окончательной формой поклонения и всей жизнью человечества; но которая, в ожидании этого, не сталкивается с народными верованиями, а, напротив, в своей любвеобильности приемлет их, хотя и идет дальше их. Если бы в те времена, когда я искал религии, я встретил бы в окружающей меня среде готовую, я наверное принял бы ее; но, не найдя таковой, я принужден был принять исповедание Фенелонов, Паскалей, Лейбницов и Бэконов. Вы, между прочим, были неправы, когда определили меня как истинного католика. Я, конечно, не стану отречься от своих верований; да, впрочем, мне было бы и не к лицу теперь, когда моя голова начинает покрываться сединой, извращать смысл целой жизни и всех убеждений моих; тем не менее, признаюсь, я не хотел бы, чтобы двери убежища захлопнулись передо мной, когда я постучусь в них в одно прекрасное утро. Пусть сие заключение моей речи не смущает вас; вы знаете, что я уже с давних пор готовлюсь к катастрофе, которая явится развязкой моей истории. Моя страна не упустит подтвердить мою систему, в этом я нимало не сомневаюсь.

Будьте здоровы, мой друг. Смею надеяться, что вы не будете больше упрекать меня в безмолвии и сами не измените вашим добрым привычкам. Сообщите мне, как поживает Свечина, вы не можете не понимать, сколь глубоко я интересуюсь всем, что касается этой дамы. Что касается ваших поручений, то они исполняются по мере их получения, если не всегда с успехом, то по крайней мере всегда с усердием. Впрочем, нужно было бы быть более сведущим в физиологии страстей, чем я, чтобы с успехом служить вам при всех обстоятельствах. Во всяком случае, я вас крепко люблю и делаю, что могу. *Да приидет царствие твое.*

Княгиня Мещерская приезжает на днях из деревни, итак, я буду иметь случай поговорить с ней о вас.

Вот уже месяц, как написано это письмо. Булгакова не было в Москве. По-видимому, он уже давно вернулся, но я узнал об этом только вчера. Отправлю его, как оно есть, дабы не брать на себя труда писать новое. За это время я получил брошюру Экштейна⁴⁸! Передайте ему, пожалуйста, что я весьма тронут этой чисто философской любезностью и что я не замедлю написать ему. Вы не говорите мне ничего о человеке, который так долго был лучшим из друзей. Это нехорошо с вашей стороны.

⁴⁸ Вероятно, речь идет о брошюре французского католического публициста и философа Ф. Экштейна, в которой говорится о важности изучения индийских Вед.

1836

И. Д. Якушкину⁴⁹

Москва. 2 мая

Дорогой друг. Вот книга⁵⁰, которую тебе посылает г-жа Левашова. Я подменил предназначенный тебе экземпляр другим, которым сам пользовался, с той целью, чтобы ты сосредоточил свое внимание на тех местах, которые привлекли и мое: они подчеркнуты моим карандашом. Мне было чрезвычайно отрадно узнать о твоих усидчивых занятиях, способных так сильно смягчить тяготы твоей жизни. Мне известно, что в ссылке ты не переставал накапливать знания. Великое благо судьбы, что она тебе позволила сохранить вкус к науке среди ужасов, обрушившихся на тебя по людскому суду. Не может быть, чтобы ты не ощущал за это глубокой благодарности по отношению к тому, от кого исходят всякие блага, убеждения. Со своей стороны я глубоко верю, что, в награду за стойкую и вместе с тем спокойную покорность в несении своего жребия и за неизменно сохраняемые под давлением страшного бедствия чувства кроткого благорасположения и совершенной любви, тебе уже дарованы новые откровения в постижении многих вещей. И поэтому, приглашая тебя тщательно вникнуть в некоторые из подчеркнутых в этой книге отрывков, я, наверное, лишь продолжаю дело, уже начатое богом. В конце концов общее представление о природе, вытекающее из последних завоеваний естественных наук, сводится к подтверждению всей космогонической и бытийной (*génésiologie*, т. е. согласной с первой библейской книгой – Бытия. – *Прим. переводчика*) системы еврейских преданий: это вытекает из всякого нового открытия, из всякого шага вперед человеческого разума, и особенно любопытно то, что Беккерель, опровергая Кювье, который уже представил основательные доводы в защиту этой системы, со своей стороны приводит новые, еще более убедительные.

Как видишь, письмо это должно было служить введением к предстоящему тебе чтению, но мог ли я тебе писать и не затронуть при этом многое другое, не окинуть горестным взором былое, все проникнутое дружбой, не воскресить в памяти дни, протекавшие в сладостном общении на самом краю бездны?

Ах, друг мой, как это попустил господь совершиться тому, что ты сделал? Как мог он тебе позволить до такой степени поставить на карту свою судьбу, судьбу великого народа, судьбу твоих друзей, и это тебе, тебе, чей ум схватывал тысячу таких предметов, которые едва приоткрываются для других ценою кропотливого изучения? Ни к кому другому я бы не осмелился обратиться с такой речью, но тебя я слишком хорошо знаю и не боюсь, что тебя больно заденет глубокое убеждение, каково бы оно ни было.

Я много размышлял о России с тех пор, как роковое потрясение так разбросало нас в пространстве, и я теперь ни в чем не убежден так твердо, как в том, что народу нашему не хватает прежде всего – глубины. Мы прожили века так, или почти так, как и другие,

⁴⁹ Еще с университетской скамьи, а затем и в походах Отечественной войны 1812 г. Чаадаева и Якушкина связывала тесная дружба. В 1821 г. последний принял первого в распушенный «Союз благоденствия». Ссылный декабрист и автор философических писем, несмотря на пожизненную разлуку, иногда получали сведения друг о друге благодаря родственникам и знакомым, особенно же двоюродной сестре Якушкина Е.Г. Левашевой, в доме которой на Новой Басманной Чаадаев безвыездно жил с 1833 г. Сам Чаадаев в 1834 г. послал Якушкину небольшую картину с подписью художника Романелли, изображающую семейную группу, а ниже следующее письмо написал в 1836 г. Письмо это не дошло до адресата и сохранилось среди бумаг Чаадаева, арестованных у него в конце 1836 г. в связи с «телескопской» историей. Оно печатается по тексту публикации Д.И. Шаховского в книге «Декабристы и их время» (М., 1932, т. 2).

⁵⁰ Имеется в виду трактат по электричеству и магнетизму французского физика Беккереля.

но мы никогда не размышляли, никогда не были движимы какой-либо идеей; и вот почему вся будущность страны в один прекрасный день была разыграна в кости несколькими молодыми людьми между трубкой и стаканом вина. Когда восемнадцать веков тому назад истина воплотилась и явилась людям, они убили ее; и это величайшее преступление стало спасением мира; но если бы истина появилась вот сейчас, среди нас, никто не обратил бы на нее внимание, и это преступление ужаснее первого, потому что оно ни к чему бы не послужило.

Как бы я был счастлив, если бы в тот день, когда ты сможешь мне написать, а день этот, говорят, близок, первые твои слова, направленные ко мне, подтвердили, что ты теперь осознал свою страшную ошибку и что в своем уединении ты пришел к заключению, что заблуждение может быть искуплено перед высшей правдой не иначе как путем его исповедания, подобно тому, как ошибка в счете может быть исправлена лишь после ее признания.

Прощай, друг мой. Я горжусь тем, что смог сказать тебе эти вещи с уверенностью, что душа твоя этим не оскорбится и что твое высокое понимание сумеет разглядеть в сказанном внушившее его чувство.

Я тебе ничего не сказал о моем брате потому, что он в Нижнем, и потому, что я редко получаю от него вести. Натали Шаховская и ее сестра⁵¹ часто говорят со мною о тебе. Твои дети на днях приходили повидаться со мной. Я их обнял с чувством и счастья, и грусти.

Петр Чаадаев.

⁵¹ Речь идет о двоюродных сестрах Чаадаева Н.Д. Шаховской и Е.Д. Щербатовой.

А. С. Пушкину

Первая половина ма<я>⁵²

Я ждал тебя, любезный друг, вчера, по слову Нащокина, а нынче жду по сердцу. Я пробуду до восьми часов дома, а потом поеду к тебе. В два часа хожу гулять и прихожу в 4. Твой Чаадаев.

⁵² Слова в треугольных скобках принадлежат публикатору,

А. И. Тургеневу

Москва. 25 мая

Вот, дорогой друг, письмо к барону Экштейну. Не знаю, где оно застанет вас, ибо вы мне пишете об отъезде, но не говорите мне, в какие страны света вы направляете свои шаги. Я промедлил с письмом к барону ввиду того, что гг. *Наблюдатели*⁵³ предполагали использовать его брошюру для своего журнала. Они ничего не сделали в этом смысле, а я тем временем откладывал писание со дня на день, чтобы иметь возможность сказать ему что-нибудь по этому поводу. Говорят, что мы находимся по соседству с Индией: не правда ли, что мы проявляем отменное любопытство по отношению к индийским делам!

Скажите все это Экштейну, если эти письма придут в Париж до вашего отъезда. Вы пишете мне о целом ряде вещей, которые вы выслали Вяземскому и которые он должен был передать мне по прочтении. Я еще ничего из этого не получал. Ни «Молитвы господней», ни Лакордера. Кстати, надеюсь, что он в Риме примет меры, чтобы стать папой: я гарантирую ему благодать св. духа. Святой дух был всегда духом века, вот что следует понять хорошенько. Что в настоящее время нужно церкви, так это Гильдебранда, который столь же был бы проникнут духом своего времени, сколь тот был проникнут духом своего. Почему бы вашему Лакордеру не быть призванным к сему человеком? Глубокие вещи зарыты в демократическом элементе папства. Кто знает, быть может, грядущему конклаву суждено возродить церковь?

У нас здесь Пушкин. Он очень занят своим Петром Великим. Его книга придется как раз кстати, когда будет разрушено все дело Петра Великого: она явится надгробным словом ему. Вы знаете, что он издает также журнал под названием *Современник*. Современник чего? XVI столетия, да и то нет? Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина, и только. У *Токвилля* есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно что *точка отправления народов определяет их судьбы*. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история. Поэтому более чем когда-либо: *Да придет царствие твое*. Княгиня Мещерская не менее меня жаждет получить хоть несколько строк Лакордера, что не мешает ей посылать вам дружеский привет. Будьте здоровы, мой друг.

⁵³ Имеются в виду сотрудники журнала «Московский наблюдатель».

Кн<ягине> С. Мещерской

15 октября 1836

Вот, княгиня, брошюра, которая для вас будет интересна, я в том уверен, – это моя статья, переведенная и напечатанная по-русски⁵⁴. Публичность схватила меня за ворот в то самое время, как я наименее того ожидал. Сначала вы найдете этот случай странным, без сомнения, но, подумавши, перемените мнение. В чем же, после всего, чудо, что идея, которой от рода скоро будет две тысячи лет, идея, преподаваемая, чтимая, проповедуемая тысячью высокими умами, тысячью святыми, наконец пробила себе свет у нас? Не гораздо ли бы было страннее, если бы она никогда того не сделала? Если правда, что христианство в том виде, как оно соорудилось на Западе, было принципом, под влиянием которого там все развернулось и созрело, то должно быть, что страна, не собравшая всех плодов этой религии, хотя и подчинившаяся ее закону, до некоторой степени ее не признала, в чем-нибудь ошиблась насчет ее настоящего духа, отвергла некоторые из ее существенных истин. Последующего вывода никак, следовательно, нельзя было отделить от первоначального принципа, и то, что было причиной воспроизведения принципа, вынудило также и обнаружение последствия.

Говорят, что шум идет большой; я этому несколько не удивляюсь. Однако же мне известно, что моя статья заслужила некоторую благосклонность в известном слое общества. Конечно, не с тем она была писана, чтобы понравиться блаженному народонаселению наших гостиных, предавшихся достославному быту виста и реверси. Вы меня слишком хорошо знаете и, конечно, не сомневаетесь, что весь этот гвалт занимает меня весьма мало. Вам известно, что я никогда не думал о публике, что я даже никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша: все равно что обращаться к рыбам морским, к птицам небесным. Как бы то ни было, если то, что я сказал, правда, оно останется; если нет, незачем ему оставаться.

Есть, княгиня, люди и вам знакомые, которые находят, что в интересе общественном полезно бы было воспретить автору пребывание в столице. Что вы об этом думаете? Не значит ли это слишком мало придавать значения интересу общественному и слишком много автору? По счастью, наше правительство всегда благоразумнее (*plus avisé*) публики; стало быть, я в доброй надежде, что не шумливые крики сволочи (*cohue*) укажут ему его поведение. Но если бы по какому случаю желание этих добрых людей исполнилось, я к вам приду, княгиня, просить убежища и таким образом узнаю то, что серьезные религиозные убеждения, самые разнородные, всегда симпатизируют друг с другом.

⁵⁴ Речь идет об оттиске «телескопской» публикации, который Чаадаев послал С.С. Мещерской, распространявшей духовно-нравственные книги в народе.

А. И. Тургеневу

Не знаю, известно ли вам уже, мой друг, о домашнем обыске, которым меня почтили⁵⁵. Забрали все мои бумаги. Мне остались только мои мысли: бедные мысли, которые привели меня к этой прекрасной развязке. Впрочем, я могу лишь одобрить похвальное любопытство властей, пожелавших ознакомиться с моими писаниями: от всего сердца желаю, чтобы это им пошло на пользу. Но не в этом дело. Во-первых: лишенный возможности продолжать мою работу, я скучаю, в первый раз в жизни. Самое удобное время для того, чтобы читать и учиться. Верните мне поэтому *Штрауса*⁵⁶, если возможно, и опровержения, которые вы мне обещали. Если у вас есть еще что-нибудь, какое-либо пространное сочинение, то не скупитесь и пришлите мне и его. Я не оставлю всего, а сделаю выбор. Не можете ли вы мне дать, например, книгу де Местра о Бэконе? Надеюсь, что не злоупотреблю вашей снисходительностью, если попрошу вас об этом. Затем второе. Не думаете ли вы, что будут удивлены, не найдя ваших писем в моих бумагах⁵⁷? Обдумайте поэтому, не будет ли в ваших интересах переслать их Бенкендорфу. Наконец, принуждены ли вы все еще сидеть дома? Если вы не в состоянии выходить, то я зайду к вам нынче вечером; а то, если можете, зайдите вы ко мне сегодня же утром. *Да придет царствие твое.*

⁵⁵ Речь идет об обыске, произведенном у Чаадаева в связи с «телескопской» публикацией в конце октября 1836 г.

⁵⁶ Скорее всего, речь идет о книге немецкого философа Д. Штрауса «Жизнь Иисуса», в которой автор, исходя из учения Гегеля, критиковал ортодоксальное христианство и рассматривал евангельские предания лишь как памятники литературного творчества. «Во время появления и громкой знаменитости всем известной книги Штрауса, — замечает с известным преувеличением М.И. Жихарев, — весьма образованные и очень неглупые люди различных верований и убеждений говорили, что в России только один Чаадаев в состоянии написать на нее опровержение».

⁵⁷ Видимо, предвидя репрессивные меры по отношению к автору напечатанного в «Телескопе» философического письма, А.И. Тургенев заранее забрал у него свои послания.

А. И. Тургеневу

Мой добрый друг, я был очень огорчен, когда узнал, что вы дважды заходили ко мне и каждый раз не заставляли меня. Но вам следовало бы подождать меня немножко в моем большом кресле; тут ли малость подремать или там – не все ли равно? Как видите, я иногда позволяю себе прогуляться вечером; я думаю, что безопасность государства от этого не пострадает. Впрочем, можно быть безумцем и все же гулять по вечерам. Вы ничего не велели сказать мне о том, придете ли вы завтра, в среду, обедать ко мне, мне необходимо знать это сегодня, а также придет ли Орлов или нет. Будьте здоровы, друг мой, и дайте, пожалуйста, ответ.

А. И. Тургеневу

Вот две из ваших книг. До меня дошел слух, что в публике толкуют, будто я пытался напечатать прославленный отрывок в *Наблюдателе*. Это явная ложь; редакторы журнала могут подтвердить это. Им отлично известно, что я не намеревался ничего печатать в их журнале, кроме двух писем, прочитанных на вечере у Свербеевой. Первое письмо было сообщено им исключительно для того, чтобы им было понятно дальнейшее. Говорят также, что я уже делал попытки напечатать оригинал у Семена. Опять-таки ложь. Рукопись, переданная Семену, состояла из двух писем об истории, в которых не было ничего, касающегося России. Она была процензурована с большим благожелательством духовными цензорами от Троицы, и у меня есть их постановление по этому поводу. Расскажите это, пожалуйста, вашим знакомым. Вам понятно моральное значение всего этого. У меня нет демократических замашек, и я никогда не искал благорасположения толпы; но мне очень дорого мнение людей, почтивших меня своей дружбой.

Графу С. Г. Строганову

8 ноября 1836

Не знаю, известна ли вам, граф, прилагаемая книга⁵⁸? Соболаговолите ее открыть на загнутой странице, вы в ней найдете главу, которая может послужить пояснением к статье, возбудившей против меня общественный крик. Мне показалось, что я хорошо сделаю, указавши вашему вниманию эти страницы, писанные под мою диктовку, в которых мои мысли о будущем моего отечества изложены в выражениях довольно определенных, хотя неполных, и которые не были нескромным образом вынуты из моего портфеля. Для меня очень важно в интересе моей репутации хорошего гражданина, чтобы знали, что преследуемая статья не заключает в себе моего *profession de foi*, а только выражение горького чувства, давно истощенного. Я далек от того, чтобы отречься от всех мыслей, изложенных в означенном сочинении; в нем есть такие, которые я готов подписать кровью. Когда я в нем говорил, например, что *«народы Запада, отыскивая истину, нашли благополучие и свободу»* я только парафразировал изречение спасителя: *«ищите царствия небесного, и все остальное приложится вам»*, и вы понимаете, что это не одна из тех мыслей, которые бросаешь сегодня на бумагу, чтобы завтра стереть, но верно также и то, что в нем много таких вещей, которых я бы, конечно, не сказал теперь. Так, например, я дал слишком большую долю католицизму и думаю ныне, что он не всегда был верен своей миссии; я не довольно оценил стоимость элементов, которых у нас недоставало, и думаю теперь, что они намного содействовали сооружению нового общества; я не говорил о выгодах нашего изолированного положения, на которые я теперь смотрю, как на самую глубокую черту нашей социальной физиономии и как на основание нашего дальнейшего успеха; я не показал, что всеми, сколько есть прекрасных страниц в нашей истории, мы обязаны христианству, – факт, который в настоящее время послужил бы мне к опоре моей системы. Одним словом, если правда, что в настоящее время, в спокойствии моего духа, я исповедую некоторые из мнений, изложенных тому назад шесть лет под впечатлением тягостного чувства (*sentiment douloureux*); достоверно также, что много мыслей слишком абсолютных, много мнений слишком резких (мною тогда исповедуемых) ныне принадлежат мне только в таком смысле, как всякий поступок, нами совершенный, всякое слово, нами произнесенное, конечно, принадлежит нам до нашего последнего дня, потому что мы отдадим в них отчет верховному судие, что, однако же, вовсе не предполагает, чтобы мы были в них ответственны перед людьми. Поэтому-то я и решился, как вам о том и говорил, сам возражать на свою статью, то есть рассматривать тот же вопрос с моей теперешней точки зрения⁵⁹. Я слышал, что мне это ставят в вину. Но давно ли запрещено видоизменять свои мнения после такого длинного промежутка времени? Давно ли не дозволено уму человека идти вперед, когда ум человечества стремится бегом? Давно ли приказано существу мыслящему на веки веков оставаться пригвожденным к одной мысли, подобно бессмысленному факиру? Не вы, конечно, сделаете мне этот упрек, вы, которого я нашел столько благосклонно расположенным к успеху доброго просвещения. Впрочем, какое мнение о всем этом вы себе ни составите, я мог обратиться только к вам: что я мог сказать тем, которые наложили на меня сумасшествие?

⁵⁸ Имеется в виду изданная в 1833 г. книга И.И. Ястребцова «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества», в которой автор ссылаясь на Чаадаева как на источник своих основных мыслей.

⁵⁹ Подразумевается замысел «Апологии сумасшедшего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.